

Доктор Роберт А. Петерсон, Собственно теология, Сессия 1, Культурный контекст

© 2024 Роберт Петерсон и Тед Хильдебрандт

Это доктор Роберт А. Петерсон в своем учении о собственно теологии или Боге. Это сессия 1, Культурный контекст.

Даже прежде чем мы начнем говорить о учении о Боге, давайте искать Бога.

Милостивый Отче, мы приходим к Тебе через Твоего Сына в силе Святого Духа и просим Тебя благословить нас, научить нас, ободрить нас, вести нас по пути вечному. Мы просим во имя Иисуса, Аминь.

Нет более фундаментальной доктрины, чем доктрина Бога. Можно утверждать, что доктрина писаний более фундаментальна, и, по сути, я бы не стал это оспаривать, но доктрина Бога — это очень фундаментальная доктрина, скажем так.

С точки зрения современных заблуждений, очень много вещей построено на чрезмерном акценте на предполагаемой любви Бога и преуменьшении Его святости или справедливости, например. С положительной стороны, нам нужно уделить время размышлениям о том, кто такой Бог, о том, что Бог вечно существовал как Святая Троица, и что у Него есть атрибуты и качества. Он создал нас по Своему образу, и мы частично разделяем некоторые из Его качеств, другие мы вообще не разделяем, но стоит подумать и поразмышлять о качествах или атрибутах Бога.

Наконец, мы надеемся добраться, мы планируем добраться до дел Божьих, Его дел творения и провидения, с простым упоминанием искупления и завершения, потому что они пророки других курсов. Итак, давайте начнем с введения, посвященного современной и постмодернистской культуре, где мы находимся, и как нам нужно лучше понимать учение о Боге. Я в долгу перед Дэвидом Уэллсом, который в своей пятой книге в этой области обращения к культуре и необходимости, чтобы Бог был услышан, говорящим через Свое слово в культуре и послание о Христе распятом и воскресшем и грядущем снова, пятая книга Дэвида Уэллса - Бог в вихре, Бог в вихре, центр реальности, - говорит он.

Итак, первая проблема, с которой мы сталкиваемся, пытаюсь понять учение Библии о Боге, связана с нашей культурой. Энтони Тислтон написал знаменитую книгу под названием «Два горизонта». Есть горизонт текста Библии, есть горизонт интерпретатора.

Честно говоря, я подчеркивал первое на протяжении всей своей карьеры, но те, кто просто являются выдающимися коммуникаторами христианской истины, я думаю о Джоне Стотте и Дэвиде Уэллсе, которые объединяют оба горизонта, безусловно, подчеркивая слово Божье, но обучая слову Божьему влиять, быть понятным в культуре и влиять на тех, кто находится в культуре, потому что мы есть, и культурны, мы не можем с этим поделаться. Первая проблема, пишет Уэллс, связана с нашей культурой. Как получается, что наша культура может помешать нам познать Бога, каким он явил себя? Давайте начнем с базовой истины писания.

Это то, что Бог стоит перед нами. Он призывает нас выйти из себя и познать его. Это самая глубокая истина, с которой мы когда-либо сталкиваемся, или, должен я сказать, самая глубокая истина, с которой мы сталкиваемся.

Уэллс — кальвинист. И это ключ ко многим другим истинам, и все же наша культура толкает нас к совершенно противоположному шаблону. Наша культура говорит, что мы должны идти в себя, чтобы познать Бога.

Это культурный вопрос, который мы должны начать понимать, потому что в противном случае он будет формировать то, как мы читаем Писание, как мы видим Бога, как мы приближаемся к нему и чего мы хотим от него. Вот так. Настоящая вера, то есть вера библейского толка, всегда имела субъективную сторону.

Это не подлежит сомнению. Когда мы слышим Евангелие, это мы должны откликнуться. Это мы должны покаяться и уверовать.

Это Святой Дух, который действует в нас сверхъестественно, чтобы возродить нас, дать нам новую жизнь там, где была только смерть, новые аппетиты к Богу и Его истине там, где раньше их не было, соединяя нас со смертью Христа, чтобы мы могли иметь статус сыновей. И не только статус, но и опыт того, чтобы быть детьми Божьими. Мы приняли, заявляет Павел, Духа усыновления, которым взываем: Авва, Отче.

Сам Дух свидетельствует духу нашему, что мы — дети Божии. Все это, конечно, внутреннее. И в этом отношении субъективно.

Это происходит в глубине нашей души и охватывает все, чем мы являемся. Ни в коем случае эти истины не подвергаются сомнению, когда я говорю, что Бог стоит перед нами и призывает нас выйти из себя и познать его. Но что значит сказать, что Бог стоит перед нами? Что он, в некотором смысле, объективен для

нас? Ну, говорит, давайте начнем с некоторого расстояния от христианской веры и медленно продвигаться к центру, где мы действительно хотим быть.

По пути мы будем думать о том, как наш опыт в этой давящей, переполненной, богатой, глобализированной культуре формирует наше понимание того, кто такой Бог и чего мы от него ожидаем. Бог где-то там. То, что Бог перед нами, покажется обычным утверждением.

Когда некоторые люди слышат эти слова, они могут подумать только, что Бог существует и что он находится в нашем мире. На Западе число тех, кто верит в существование Бога, обычно находится в диапазоне 90-97%. 90-97.

Однако в 2013 году только 80% американцев отнесли себя к этой категории в исследовании Pew. Тем не менее, когда те, кто придерживается нового атеизма, высмеивают эту веру в существование Бога, заблуждение, по их мнению, как называет ее Ричард Докинз, анахронизм, как заявляет Питер Стивен Пинкер, Стивен Пинкер заявляет, и просто набор фантазий, говорит Сэм Харрис, они оказываются вне мейнстрима во всех наших западных культурах. Более того, около 80% людей на Западе также считают себя духовными, в кавычках.

Примечательно, что это справедливо даже для Европы, где процессы секуляризации идут очень глубоко в течение очень долгого времени. Но реальный вопрос, который следует задать о вере в существование Бога, заключается в следующем. Какой вес имеет эта вера? В 1956 году Конгресс США поместил на наши бумажные деньги слова: «In God We Trust».

Но также очевидно, что эта вера для многих немного тощая и периферийная по отношению к тому, как они на самом деле живут. Они верят в существование Бога, но эта вера не имеет большой денежной ценности. Поэтому говорить, что Бог перед ними, было бы несколько бессмысленно.

Это не обязательно имеет вес, чтобы определить, как они думают о жизни и как они живут. Действительно, одним из определяющих признаков нашего времени, по крайней мере здесь, на Западе, является практический атеизм, который верен для многих людей. Они говорят, что Бог есть, но затем они живут так, как будто его нет.

Как человек думает о Боге, Пол Фрайз и Кристофер Бейдер показывают в своих «Четырех богах Америки», что то, что мы говорим о Боге и что это говорит о нас, формируется их ответами на два других вопроса. Во-первых, вмешивается ли Бог когда-либо в жизнь? Во-вторых, выносит ли Бог когда-либо моральные суждения о том, что мы делаем и говорим? Если мы ответим на оба эти вопроса «да», то утверждение, что Бог перед нами, будет означать нечто совершенно

иное, чем то, что означало бы, если бы мы ответили на эти вопросы отрицательно. Если мы думаем, что Бог не вмешивается в жизнь, то то, как мы думаем о присутствии, будет одно.

Если мы думаем, что у него практический подход, то совсем по-другому было бы размышлять о том, что значит находиться в его присутствии. Должны ли мы тогда думать о нем как о домовладельце, который ремонтирует здание, но не вмешивается в жизнь тех, кто в нем живет? Должны ли мы думать о нем больше как о чирлидере, который кричит подбадривания со стороны, но сам не участвует в игре? Или как о терапевте, который всегда поддерживает отношения на расстоянии вытянутой руки с пациентом, чтобы анализ не был искажен тем, кто знает, что в конечном итоге именно пациент должен исправить свой собственный корабль? Должны ли мы думать о Боге как о непредвзятом существе, который держит свои мысли при себе? Это направление, в котором нас толкает наша культура. Бог не вмешивается.

Он Бог любви, и он не осуждает. Другой аспект здесь в том, насколько Бог заботится о наших слабостях и неудачах. Действительно, насколько много он знает и какое значение он придает различным неудачам? Мы живем в такое время, когда информация о мире, о его войнах, трагедиях, страданиях и ненависти поступает мгновенно и одновременно.

Мы становимся осведомленными через ТВ и Интернет обо всем значимом, что происходит. И о многом совершенно незначительном тоже. Это поднимает некоторые интересные вопросы в наших умах.

Учитывая частые жестокости, которые происходят в мире, действительно ли Бог заботится о наших собственных, сравнительно небольших грешках? Выходит ли он из себя из-за небольшого момента обмана здесь или там, когда мы просто пытаемся избежать смущения? Так ли ужасно лгать, если нет злого умысла? А как насчет сексуальной слабости, которой мы не можем противиться? Или небольшого саморекламы, которая отрывается от фактов? Зациклен ли он на этих личных неудачах? Действительно ли он заботится? Или он большой и щедрый, и он не замечает того, что мы бессильны изменить? Разве он не больше озабочен тем, чтобы подбадривать нас, чем тем, чтобы осуждать нас? Это тоже то, куда наша культура хочет нас привести. Мы слышим, как этот культурный образ мышления даже находит отклик в церкви. Джоэл Остин, пастор самой большой церковной аудитории в Америке, не говоря уже о его 200 миллионах последователей по всему миру, каждую неделю ведет нас по этому пути.

В его приторных взглядах Бог — наш величайший помощник, который, к сожалению, расстроен тем, что не может осыпать нас большим здоровьем,

богатством, счастьем и самореализацией. Причина в том, что мы просто не протянули руки, чтобы взять эти вещи. Бог действительно, действительно хочет, чтобы мы имели их.

Если у нас их нет, ну, вина за это лежит на нас. На самом деле, послание Остина не сильно отличается от того, что большинство американских подростков думают о Боге сегодня. В своем самоанализе Кристиан Смит дал нам плод большого исследования, которое он провел среди наших подростков.

Он был выпущен в 2005 году. Что действительно поражает в этом исследовании, так это вывод Смита о том, что взгляд на Бога доминирует среди большинства этих подростков. Он называет это моралистическим, терапевтическим деизмом.

Доминирующее мнение, даже среди евангельских подростков, заключается в том, что Бог создал все и установил моральный порядок, но он не вмешивается. На самом деле, для большинства он даже не тринитарист. Воплощение и Воскресение Христа играют небольшую роль в церковном подростковом мышлении, даже в евангельском подростковом мышлении.

Они считают, что Бог не требует от них многого, потому что он в основном занят решением их проблем и тем, чтобы они чувствовали себя хорошо. Религия заключается в том, чтобы испытывать счастье, удовлетворенность, чтобы Бог решал проблемы и обеспечивал вещи вроде домов, интернета, iPod, iPad и iPhone. Это широко распространенное представление о Боге в современной культуре, не только среди подростков, но и среди многих взрослых.

Это взгляд на Бога, наиболее распространенный в западных контекстах. Это контексты блестящей, захватывающей технологии; изобилия, произведенного капитализмом, огромного диапазона возможностей, которые у нас есть, бесконечного выбора во всем, от зубной пасты до путешествий, и тот факт, что мы теперь знаем обо всем мире, в который мы включены. Все эти факторы взаимосвязаны в нашем опыте и делают странные вещи с тем, как мы думаем.

Самое главное, они, очевидно, сделали странные вещи с тем, как мы думаем о Боге. Действительно, Росс Даутат в своей книге «Плохая религия» говорит об этом как о всепроникающей ереси, которая сейчас охватила Америку. Он совершенно прав, что большинство людей не будут думать о ереси таким образом.

Однако то, что так много американцев думают о Боге, является искажением того, что есть истина. Как искажение, это подмена реального. Вот почему это ересь.

Итак, почему люди так думают? Позвольте мне попытаться ответить на этот, несомненно, очень сложный вопрос. Опять же, я в долгу перед Дэвидом Уэллсом за этот культурный анализ, который явно не мой конек. Но он мне нужен.

Парадокс. Этот контекст, этот высокомодернизированный мир, породил то, что Дэвид Майерс называет американским парадоксом. На самом деле, этот парадокс не является исключительно американским.

Это встречается по всему Западу. И все чаще это наблюдается за пределами Запада. В процветающих частях Азии, например, то же самое становится очевидным.

И этот парадокс естественным образом приводит к преобладающему взгляду на Бога. Так в чем же парадокс? Он в том, что у нас никогда не было так много, и в то же время у нас никогда не было так мало. Никогда у нас не было большего выбора, более легкодоступного образования, большей свободы, большего достатка, более сложной техники, большего количества автомобилей, лучших домов, большего комфорта или лучшего здравоохранения.

Это одна сторона парадокса. Однако другая сторона заключается в том, что по всем меркам депрессия никогда не была столь распространена, тревожность — столь высока, а замешательство — столь распространено. Мы не очень хорошо сохраняем наши браки.

Наши дети деморализованы как никогда. Наши подростки совершают самоубийства с самой высокой частотой. Мы сажаем в тюрьму все больше людей, а сожительство никогда не было столь распространено.

Фактически, в 2012 году в Америке 53% детей были рождены вне брака. Эта новая норма является верным предсказателем грядущей бедности для многих из этих детей. Этот парадокс не совсем новый.

Когда француз Алексис де Токвиль посетил Америку в 1830-х годах, он заметил, что хотя довольно много людей стали состоятельными, среди них также была цитата, странная меланхолия. Они достигли равенства друг с другом на политическом уровне. Однако на социальном фронте почти каждый знал кого-то, кто имел больше, чем они.

Политическое равенство не привело к равным результатам в плане богатства и имущества. Так, по крайней мере, Токвиль объяснял ту меланхолию, которую он видел. Было ли это реальным объяснением, на самом деле не так уж важно.

Важно то, что изобилие не обязательно является безупречным, безусловным благословением. Мы, конечно, должны это знать, потому что именно это сказал Иисус давным-давно. Однако сегодня этот культурный парадокс чрезвычайно обострился, и мы находимся в совершенно ином культурном месте, чем Америка, которую Токвиль видел почти два столетия назад.

Многие терапевты теперь обнаруживают, что этот парадокс вошел в жизнь тех, кто к ним приходит. Среди них много молодых. Они часто говорят, что хотя они выросли в хороших семьях, имели все, что хотели, поступили в колледж, возможно, устроились на работу, они тем не менее озадачены пустотой, которую они чувствуют.

Их самооценка высока, но их Я пусто. Они выросли, и им говорили, что они могут быть кем угодно, но они не знали, кем хотят быть. Они несчастны, но, похоже, для их несчастья нет причин.

Они больше связаны с большим количеством людей через интернет, и все же они никогда не чувствовали себя более одинокими. Они хотят, чтобы их принимали, и все же они часто чувствуют себя отчужденными. Никогда у нас не было так много.

Никогда у нас не было так мало. Это наш парадокс. Этот двусторонний опыт, вероятно, лучшее объяснение того, как много людей, как подростков, так и взрослых, сейчас думают о Боге и о том, чего они хотят от Него.

С одной стороны, опыт изобилия, кажущихся неограниченными вариантами, возможностей, постоянно растущих уровней благосостояния почти неизбежно порождает отношение права. До недавнего времени каждое последующее поколение предполагало, что оно будет жить лучше, чем предыдущее. Каждое начинало с того места, где остановилось предыдущее.

Это ожидание не было нереалистичным. Вот как все получилось. Нетрудно увидеть, как такого рода право естественным образом переносится на наше отношение к Богу и Его отношениям с нами.

Это то, что заставляет нас думать о Нем как о чирлидере, который хочет только нашего успеха. Он — подбадриватель, вдохновляющий тренер, источник бесконечного процветания для нас. Он никогда не мешает нам в нашем стремлении к хорошей жизни, под которым мы подразумеваем стремление к хорошим вещам в жизни.

Мы видим Его как неиссякаемый источник этих благословений. Он наш консьерж. Поставщики евангелия здоровья и богатства, евангелия в кавычках,

которое экспортируется с Запада в неразвитые части мира, похоже, совершенно не осознают тот факт, что их взгляд на христианскую веру коренится в этом виде опыта.

Если бы они не пользовались западной медицинской экспертизой и западным богатством, весьма сомнительно, что они могли бы подумать, что христианство заключается в том, чтобы быть здоровым и богатым. По крайней мере, за долгое, извилистое путешествие Церкви по истории мы никогда не слышали ничего подобного. Похоже, что происходит то, что эти распространители этого так называемого евангелия взяли на себя определенные цели в жизни.

Иметь желаемое богатство и достаточное здоровье, чтобы им наслаждаться. Вера затем дает им право получить эти вещи от Бога. Там, где этот вид христианства был экспортирован, например, во многие страны Африки, именно эта вера и рекламируется.

Это так буквально. Когда я выходил из аэропорта в Йоханнесбурге, Южная Африка, несколько лет назад, я заметил рекламный щит с простым вопросом. Он спрашивал: «Хотите ли вы разбогатеть?». Под этим вопросом был указан номер телефона, который, как мне сказали, принадлежал министерству здравоохранения и благосостояния.

Во многих африканских городах, на самом деле, есть центры чудес, где страждущие платят цену и приходят, чтобы получить свое чудо. По крайней мере, они уверены, что чудо может быть получено. Менялы храма так разозлили Иисуса, что он физически вышвырнул их из здания.

Но мы принимаем их модернизированное потомство в движении за здоровье и богатство в нашем темпе. Они просто вписываются в наши потребительские общества и наши ожидания, что Бог здесь, на нашем побегушках и зове. Они просто часть огромной, расползающейся евангельской империи.

Хотя это и так, что мы, современные люди, имеем этот опыт изобилия, это также так, и это другая сторона парадокса, что наш опыт изобилия сопровождается опытом пустоты и утраты. Мы несем в себе так много дефицитов: чувство суровости жизни, разочарования на работе, побитые и сломанные отношения, разрушенные семьи, неспособность поддерживать прочную дружбу, отсутствие чувства принадлежности к этому миру и чувство, что он пуст и враждебен. Поэтому мы обращаемся к Богу за внутренним бальзамом, за облегчением этих ран.

Мы склонны думать о Боге как о нашем терапевте с большой буквы Т. Это утешение, исцеление и вдохновение, которых мы хотим больше всего, поэтому

мы ищем их у него. Это также то, чего мы хотим больше всего от церковного опыта. Мы хотим быть утешающими, возвышающими, вдохновляющими и легкими для ума.

Мы не хотим, чтобы воскресенье или, может быть, субботний вечер стали еще одним рабочим днем, еще одной обузой, чем-то, что требует усилий и концентрации. У нас и так достаточно тягот и борьбы, достаточно вещей, на которых нужно сосредоточиться в течение рабочей недели. В выходные мы хотим облегчения.

Нетрудно увидеть, как этот двусторонний опыт, этот парадокс сформировал наше понимание Бога. Он оставляет нас с тоской по Богу, который приблизится, который будет ходить мягко, который будет нежно касаться, который придет, чтобы поднять, обеспечить утешение и направить. Мы хотим, чтобы наш Бог был принимающим и не осуждающим.

Это также оставляет нас с ожиданием, что каким-то образом этот Бог изобилия раздаст нам свои самые большие и щедрые щедроты, может быть, даже через выигрыш в лотерею. Возможно, мы могли бы выиграть Powerball или, может быть, какой-нибудь приз в тотализаторе. Именно такого Бога мы хотим.

Вот каким мы его ожидаем. Бог исчезает внутри. Опять же, я читаю эти длинные отрывки из книги Дэвида Уэллса «Бог в вихре», потому что я думаю, что они очень подходят, чтобы помочь нам понять, где мы находимся.

Они не заменяют учение Божьего Слова, но они помогают нам понять необходимость учения Божьего Слова. И мы сами не были абсолютно защищены от любой из этих мыслей. Конечно, наши семьи и близкие, дети и внуки, например, были затронуты некоторыми из этих течений в нашей культуре.

Бог исчезает внутри. Такое отношение, как мы утверждаем, вероятно, вырастает из нашего опыта. Но наш опыт основывается не на чем ином, как на сдвиге тектонических плит под нашими западными обществами.

Это конечный продукт по крайней мере двух тесно связанных мегаизменений, которые происходят в нашей культуре по крайней мере с 1960-х годов. Во-первых, в нашем сознании мы вышли из старого морального мира, в котором Бог был трансцендентным и святым, и вошли в новый психологический мир, в котором он только неизбежен и любящий. Это структура, в которой мы теперь понимаем все.

Это означает, что изменения в нашем способе видения вещей, которые укоренены в нашем опыте, теперь будут подтверждены в нашем культурном контексте. Во-вторых, теперь мы думаем о себе не в терминах человеческой природы, а в терминах себя. Я — это просто внутреннее ядро интуиции.

Это место, где наша уникальная биография, пол, этническая принадлежность и жизненный опыт объединяются в едином центре самосознания. И каждое «я» уникально, потому что ни у кого нет абсолютно одинакового набора личностных факторов. Неудивительно, что теперь мы склонны видеть жизнь, чтобы понимать, что истинно, и думать о правильном и неправильном уникальными индивидуальными способами.

У каждого из нас есть свой взгляд на жизнь и ее смысл, и каждый взгляд так же действителен, как и любой другой. И ни один из них не оформлен абсолютными моральными нормами. Именно здесь живет подавляющее большинство американцев.

Эти изменения я пытаюсь описать в своей книге *Losing Our Virtue, Why the Church Must Recover Its Moral Vision*, одной из пяти важных книг Дэвида Уэллса. Хотя потерянный моральный мир и возникновение нового «я» можно описать по отдельности, на самом деле они происходят вместе, и одно подпитывает другое. Давайте кратко рассмотрим это.

В 60-е годы, когда происходили эти культурные изменения, они казались довольно радикальными. Это было в основе мятежных новых левых. Влиятельные книги того времени, такие как «Создание контркультуры» Теодора Рошака и «Озеленение Америки» Чарльза Райха, были атакой на рациональность просвещения, как будто, как предполагало Просвещение, наш разум совершенно беспристрастен.

Но другой стороной этого сообщения была неумолимая озабоченность собой с его интуицией и состояниями, и это, конечно, шло рука об руку с тем, как культура работала над людьми. То, что началось в радикально новых левых, со временем трансформировалось в обыденные предположения постмодернистского мира. Эта радикализация стала мейнстримом, и из этого вышло то, что Филип Рейф назвал психологическим человеком.

Это человек, который лишен всех точек отсчета вне себя. Нет никакого морального мира, никаких окончательных прав и неправот и никого, перед кем он или она несет ответственность. Собственная внутренняя реальность этого человека — это все, что имеет значение, и она не затронута никакими обязательствами перед обществом или пониманием из прошлого или даже вторжениями Бога извне.

Основа, на которой строятся жизни, заключается в том, что нет ничего вне себя, на чем они могли бы быть построены, и это я хочет только быть довольным. Оно не видит причин для спасения. Это терапевтический деизм, мораль которого сосредоточена на себе и создана им самим.

После 1960-х годов для описания всего этого стали модными такие слова, как индивидуализм, нарциссизм, поколение «я» и эра Водолея. Это было время трансцендентальной медитации и Иисуса Христа-суперзвезды. Это дало почву для таких книг, как блестяще-кислотный роман Тайм Вулфа «Костер тщеславия».

Этот роман описывает Нью-Йорк 1980-х годов через призму четырех безвкусных персонажей, у которых нет высшего блага, кроме их собственных интересов, и нет никакого другого «я», кроме того, что они проецируют в своей внешности. Они тщеславны и пусты. Они не что иное, как набор поз и самопроекций.

Позже это будет параллелью фильма Оливера Стоуна 1987 года «Уолл-стрит». Этот фильм повествует о жизни некоторых трейдеров с Уолл-стрит, движимых исключительно жадностью и обитающих в совершенно аморальном мире. В некоторых случаях новая терапевтическая озабоченность поколения «я», конечно, просочится в церковь, хотя и в менее вопиющих и более санитованных версиях.

Оглядываясь на это время, Уэйд Кларк Руф сказал, что одной из определяющих черт поколения бумеров было различие между внутренними и внешними аспектами религии. То есть между тем, что называется духом и институтом. Институциональный аспект христианской веры, церковь, стал рассматриваться скептически.

Вместо этого доверие было отдано тому, что является внутренним, а не церковной доктрине, которую сформулировали другие, не церковному авторитету, вообще не какому-либо внешнему авторитету. Скорее, Бог находится в частных интуициях. Бумеры были верующими в свои собственные частные миры и не верили в то, что делает и говорит церковь.

Фактически, здесь были семена, которые к концу 1990-х годов произвели на Западе миллионы людей, которые были духовными, но не религиозными. И в Америке, и в Европе около 80% говорят, что они были духовными, и хотя среди них было и некоторое количество тех, кто также был религиозным, было много духовных, которые были решительно враждебны ко всем религиям. Они выступали против доктрин, в которые они должны были верить, правил, которым они должны были следовать, и церквей, которые они должны были посещать.

Они сопротивлялись каждому из них. Они не желали обременять себя религиозными или социальными ожиданиями, которые им навязывали другие. Импульсы, которые начались в 1960-х, стали доминирующими к 1990-м, и, конечно, телевидение и интернет подпитывали эту предрасположенность.

Удивительно, но есть люди, которые получают духовный подъем каждую неделю только из комфорта своих гостиных или из-за своих компьютеров. Они никогда не ходят в церковь. Ну, они ходят в церковь, но делают это по-своему.

Когда Руф проводил свой анализ, он описал это как привычку поколения. Таковы, сказал он, бумеры. Правда, однако, в том, что эта перспектива не является большой в одном поколении.

Те, кто следовал за бумером, поколением X, а затем миллениалами, имели точно такие же привычки. Это то, что Смит также выявил в исследовании подростков. Нет, это не вопрос поколения.

Это было и есть культурным вопросом. Это то, что происходит с людьми, живущими в высокомодернизированном обществе. Они находятся в центре американского парадокса и являются неотъемлемой частью как его постмодернистского настроения, так и его решений.

Это была почва, на которой Опра построила свою телевизионную империю. Подписчики, которые смотрели ее шоу каждую неделю, были такими же обычными, как яблочный пирог в их собственных головах. Но Крысолов, за которым они следили, на самом деле не такой.

Она возвестила о наступлении эпохи, когда Бог находится в себе, когда спасение — это только терапия, счастье — не за горами, а потребление — право каждого. И следующее, и самое приятное в Опре, — это то, что она сама не идеальна на тостах. Она очень человечна.

Ее заблуждения и недостатки выставляются напоказ в моменты болезненной честности. Это было так, как будто она была в своей личной исповеди, хотя и признавалась себе, но весь мир имел честь слушать. Культурные установки, которые Опра выкопала, конечно, затрагивали гораздо больше, чем просто личное удовлетворение или даже религию.

В своей книге «Сумерки власти» Роберт Нисбет писал о том, как эти установки подрывают весь политический процесс. По всем направлениям, сказал он, учитывая нашу самозабвенность, нашу полную сосредоточенность на себе,

происходит отход от того, что важно для сообщества, к тому, что важно только для отдельного человека. От весомого к эфемерному, от других к себе.

И наш общенациональный разговор об этих вещах настолько далек от дней, когда люди думали о благе нации, насколько это возможно. Возможно, воплощением этого были семь многочасовых дебатов Линкольна и Дугласа 1858 года, о которых сообщали на всю страну газеты, когда серьезные вопросы серьезно обсуждались очень долго. Теперь наши общенациональные проблемы обсуждаются по телевизору, когда нация погружается в мелочи, сказал Нил Постман в своей книге «Развлекаемся до смерти», когда жизнь сводится к развлечению, а публичное обсуждение благополучия нашей природы ведется в детском лепете коротких телевизионных звуковых фрагментов, тогда мы чувствуем первые дуновения культурной смерти.

Больше нет способа говорить о том, что хорошо, и больше нет желания говорить о чем-либо хорошем, кроме того, что является личным интересом. В жизни нации наступают такие времена, как писал Гиннесс, когда ее народ восстает против основополагающих принципов своей собственной нации. Это один из таких времен в Америке.

Это гораздо опаснее любого теракта. Это, по сути, самоубийство свободного народа, как он выразился в названии своей книги. Почему? Потому что то, что удерживает республику вместе, никогда не было просто Конституцией и нашими законами.

Закон — чрезвычайно грубый инструмент, когда дело касается контроля человеческого поведения. Есть много вещей, которые неэтичны, но не противозаконны. Например, большая часть лжи не противозаконна, но всегда неэтична.

Наши уголовные и гражданские законы могут контролировать лишь часть нашего поведения. Добродетель делает все остальное, и именно это разрушается в этой эгоцентричной, самопотребляющей культуре. Вот кислота, которая разъедает основы нации, разрушает объективные ценности, выкорчевывает старые обычаи и не оставляет людей без ясного представления о цели, и, по сути, без какой-либо цели вообще, кроме их собственных интересов.

Под солнцем постмодерна каждый имеет право на свою версию реальности. Когда это происходит, любая культура теряет способность к обновлению собственной жизни. Культура прошлого затем преобразуется в поверхностные формулы, которые плывут по воздуху, волнам и нашему прошлому, от человека к человеку, в Интернете.

Это снова подается как китч, и все делают вид, что это то же самое глубокое старое, что и когда-то. Это не так. Когда это происходит, мы находимся в сумерках американской культуры, как утверждает Моррис Берман.

Все становится размытым. Это настроение было сформулировано Жаном-Франсуа Лиотаром в его «Постмодернистской культуре». Со всей его французской многословностью, его странностью, он казался неподходящим для Америки, как говорят книги.

Но мы уже сами прошли по этому пути, может быть, не с тем же французским автором, но тем не менее к тем же выводам. Писатель за писателем и фильм за фильмом в 1990-х годах предполагали, что не существует независимой реальности, никакой реальности где-то там. То, что есть у нас, у каждого из нас, — это частная структура понимания, и нет никаких фактов, на которые можно было бы опереться.

Факты существуют только тогда, когда мы начинаем понимать их в пределах наших собственных частных миров. Томас Кун, писавший о создании научных теорий, теперь широко использовался для объяснения большей части того, что происходило в культуре. Все начали говорить о смене парадигмы так же легко, как о бургерах и картофеле фри.

Так что границы между вещами начали становиться немного зыбкими, а затем и вовсе исчезать. Америка была к этому готова. Как замечает Джеймс Ливингстон, американцам не нужно было подталкивать радикалов, чтобы пойти по этому пути.

Существует ряд таких рухнувших границ, о которых нам следует знать. Различие между душой и телом было границей, которая все больше исчезала после 1960-х годов, когда наша культура начала самотрансформацию. Все, чем мы являемся, как стало предполагаться, а затем и утверждаться, — это животное.

Все, чем мы являемся, это просто наше тело. Проблема в том, что в этом новом мире мы с трудом находим личную реальность. Мы не всегда знаем, как выразить свою индивидуальность.

Мы жаждем чего-то, что выделит нас среди всех остальных. Немного внешнего украшения, например, пирсинга или татуировок, помогает. На самом деле, это были не только татуировки.

Это было все, что шло вместе с тем, чтобы быть крутым. Все, что выделяло человека как единственное в своем роде тело, как отличающееся. В этом

отличии, как таинственное, и в этой тайне как что-то, что было, ну, о, таким желанным.

Вот в чем смысл жизни. Но если различие между нами и животными ушло на второй план, то это открывает новую дискуссию о правах. Вот что произошло дальше.

С искренними лицами были те, кто уверял нас, что животные ничем не отличаются от людей и должны иметь те же права. Было даже высказано предположение, что животные заслуживают иметь адвокатов, которые помогут им обеспечить эти права. Хотя, если можно так сказать, ни одно животное не заслуживает некоторых из наших адвокатов.

Это отвратительно. Это исчезновение границ произошло не только по отношению к телу, но и к гендеру. Манипулирование гендером и его изгибание остаются на обочине общества, среди прочей экзотики.

Но гомосексуальность — это совсем другое дело. гомосексуальность получил значительное культурное признание, и это признание сейчас прямо в мейнстриме. Действительно, это было в самом центре инаугурационной речи президента Обамы в 2013 году.

То, что существует широкая поддержка гомосексуализма, само по себе значимо. Но гораздо более значим тот факт, что это лишь часть глубоких, многосторонних усилий по переосмыслению семьи. Мы находимся в середине масштабного социального эксперимента.

Мы переопределяем самый базовый строительный блок любого общества. Марксисты пытались перепроектировать классовую систему своего времени. Эта попытка теперь лежит в руинах.

Сегодня многие западные общества пытаются провести эксперимент, столь же смелый, чтобы переписать основные правила своего общества относительно семей. Однако можно предположить, что результат будет не слишком отличаться. Когда эти социальные эксперименты терпят крах, они приносят за собой огромное замешательство, беспорядок и страдания.

Но это не единственное, что мы видим. Как только мы начинаем думать о себе как о чем-то большем, чем животные, нам уже не кажется очевидным, что мы на самом деле так уж отличаемся от простых компьютеров. Мы — это просто наша ДНК, которая работает через различные внутренние механизмы.

Это был тщеславный ум в некоторых наших фильмах, таких как «Бегущий по лезвию» из более раннего времени и «Матрица» из недавнего. Здесь дилемма курицы и яйца. Что появилось первым? Мы сначала сломали границы и обнаружили, что старая граница между нами и Богом также исчезла? Или эта граница исчезла первой, и как только она исчезла, всю жизнь пришлось переосмыслить? Как бы то ни было, внешний Бог теперь исчез и был заменен внутренним Богом.

Трансцендентность была поглощена неизбежностью. Бога можно найти только внутри себя. Как только это произошло, граница между правильным и неправильным, по крайней мере, как мы думали об этих вещах, рухнула, как ряд падающих кеглей.

Зло и искупление стали рассматриваться как две стороны одной медали. А не как две альтернативы в жизни. Правда в том, что вся жизнь переосмысливается и переосмысливается.

Однако эта попытка перестроить себя и наше общество на других основах заводит нас в тупик. Правда в том, что у нас не очень хорошо получается. Когда Бог, внешний Бог умирает, тогда самость немедленно вмешивается, чтобы заполнить вакуум.

Но потом происходит что-то странное. Я тоже умирает. А вместе с ним уходит смысл и реальность.

Когда все это происходит, возможно все. Антиутопический роман Хаксли «О дивный новый мир» не кажется таким уж далеким будущим. Теперь мы знаем, что находимся на быстро движущемся поезде, мчащемся по рельсам.

И абсурдно думать, что, перегнувшись через борт и уперевшись пятками в землю, мы можем хоть как-то повлиять на скорость поезда. Люди это чувствуют. Многие чувствуют.

В нашей культуре паника, потому что мы знаем, что наша эра заканчивается. Наши фильмы ужасов — это не просто истории. Они — своего рода зеркало нас самих.

Они выходят на поверхность. Зачаточное чувство, которое у нас есть — чувство страха.

Чувство, что в нашем мире не все в порядке. И что где-то там таится таящаяся угроза, которую мы не видим. Мы интуитивно чувствуем, что над нами нависла ужасающая катастрофа, но мы не понимаем, что это и даже где она находится.

Как мы есть. Американская церковь находится на передовой, сталкиваясь с этим модернизированным миром. Однако то, как ей следует управлять этим взаимодействием, стало ее самой сложной дилеммой.

И это также его самая неотложная задача. Очевидно, что часто возникало искушение адаптировать христианскую веру к этому контексту. Вместо этого они склонны противостоять контексту там, где это требуется.

Вместо того, чтобы стать альтернативным взглядом на жизнь, христианская вера часто становилась эхом во многих отношениях того, что происходит в этой модернизированной культуре. Иисус был бы удивлен, увидев, насколько легким стало Царство Божье, когда мы сделали себя соответствующими культуре. На самом деле, в наших западных обществах происходят душераздирающие изменения.

Великие мысли о Боге. Наш мир потрясен до самых основ. Вместо того, чтобы предлагать великие мысли о Боге, смысле реальности и Евангелии, существуют евангельские церкви, которые предлагают лишь маленькие терапевтические панацеи, которые сладки, но в основном бесполезны.

Можно даже задаться вопросом, не будут ли некоторые нынешние церковные девушки сопротивляться, если они столкнутся с глубоким, дорогостоящим и требовательным христианством. Вот почему мы должны вернуться к нашим первым принципам. И самый основной из них — это тот факт, что Бог есть и что он объективен по отношению к нам.

Он не там, чтобы соответствовать нам. Мы должны соответствовать ему. Он призывает нас извне, чтобы мы познали его.

Мы не идем внутрь себя, чтобы найти его. Мы призваны познать его только на его условиях. Он не познается на наших условиях.

Этот призыв слышен в его слове и через него. Он не слышен через наши интуиции. Это наши самые основные принципы, потому что они имеют дело с нашими самыми основными проблемами и нашим самым основным призывом.

Призвание — познать Бога, как он явил себя и теми способами, которые он предписал. Мы должны услышать этот призыв в рамках, которые он установил. Он не там, когда нам удобно, или просто для нашего исцеления, или просто как божественный кассир, раздающий вещи из своего большого банка.

Нет, мы здесь для его служения. Мы здесь, чтобы знать его таким, какой он есть, а не таким, каким мы хотим его видеть. Местная церковь — это место, где мы должны учиться этому, а Божье слово — это средство, с помощью которого мы можем это сделать.

Но мы должны идти дальше. Недостаточно знать, что Бог дал нам истину, которая соответствует тому, что есть, которая соответствует тому, кто есть. Кроме того, это слово самого Бога, которое он использует, чтобы обратиться к нам лично.

Делая это, он делает нас знающими себя. Он приходит извне наших обстоятельств. Он не ограничен нашей субъективностью.

Он свободен вторгнуться к нам, сделав нас своими и включив нас в свои великие искупительные планы, которые разворачивались на протяжении столетий. Святой Дух пересказывает нам истину Писания сегодня и открывает наши умы и сердца для ее принятия. Таким образом, нам дается не просто взгляд на Бога и на себя, но взгляд.

И не просто правильный и истинный взгляд; нам дан сам Бог, который приходит к нам через свое слово посредством работы Святого Духа. Это Бог делает нас знающими себя. Бог как святая любовь.

Бог, таким образом, объективен для нас в том смысле, что мы стоим перед ним. Мы каннибалы перед ним и каннибалы в мире его святости. Мы знаем его спасительно только потому, что он привлек нас к познанию себя.

В том любовь, пишет Иоанн, что не мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас и послал Сына Своего в умилоствление за грехи наши. 1 Иоанна 4.10 Мы любим, потому что Он прежде возлюбил нас. 1 Иоанна 4.19 Любовь определяется и то, что придает ей ее суть смысла, — это жертвенная, заместительная смерть Христа.

Это то, что в высшей степени определяет Божью любовь. Это будет взято; это одна из тем наших лекций на этой неделе. Предложение Джона, определяющее любовь, было бы завершено совершенно иначе на Западе сегодня.

В этом любовь, многие скажут, что Бог рядом с нами, когда мы нуждаемся в нем. Он рядом для того, что нам нужно от него. Он есть любовь, потому что он дает нам внутренний комфорт и заставляет нас чувствовать себя лучше.

Он есть любовь, потому что он делает нас счастливыми, он дает нам чувство удовлетворения, он дает нам вещи, он исцеляет нас, он делает все, чтобы

ободрить нас каждый день. Это преобладающее представление о Боге сегодня. Когда Остин повторяет все это, он показывает, насколько совершенен его культурный контакт.

Взгляд Библии, напротив, совершенно иной, потому что ее мир моральный. Наш сегодняшний мир глубокий, неумолимый и только терапевтический. Мир Библии определяется святостью Божьего характера.

Наше сегодня — нет. Оно психологическое. В этом разница между Богом, который объективен для нас, и Богом, который субъективен в том смысле, что он исчез в себе.

Это существенная разница, которую нам следует уловить, когда мы начинаем думать о учении о Боге. Когда постмодернисты думают о жизни в психологическом контексте, они делают это из центра в себе. Именно я определяет, что означает спасение и что означает жизнь.

Когда мы думаем о жизни в моральных рамках Писания, которое дает нам Бог, то мы думаем о ней с Богом в качестве ее центра. Именно он в своей святости определяет спасение, в котором мы нуждаемся, и именно он в своей любви обеспечивает то, в чем мы нуждаемся во Христе. С точки зрения постмодернизма, мы находимся в центре жизни.

С библейской точки зрения, мы не являемся таковыми. Бог является центром жизни. Если мы не поймем эти различия, мы будем в море, когда начнем думать о том, как Бог на самом деле явил себя.

Взаимодействие любви и святости очень трудно поддерживать одновременно. На самом деле, многие считают, что это неприлично. На Западе мы очень одобряем мысль о том, что Бог есть любовь, но отвергаем мысль о его святости.

Некоторые говорят, что это часть примитивного прошлого, из которого мы произошли. Мы достигли совершеннолетия и больше не можем верить в суровые мифы, такие как божественный суд. Напротив, есть другие культуры, особенно там, где присутствует радикальный ислам, которые презируют мысль о том, что Бог есть любовь, и думают о нем только как о святом.

Любовь рассматривается как часть мягкой западной сентиментальности. Это означает, что в их обществах есть только суровые законы в сочетании со всеми механизмами мести и возмездия за причиненные злодеяния. Нет прощения.

Однако христианство уникальным образом сочетает любовь и святость, поскольку в характере Бога они есть и всегда были объединены. Мы думаем

здесь о любви и святости Бога как о включающих в себя многие аспекты его характера, о которых говорит Писание. Термин святая любовь не совсем удовлетворителен.

Это может даже предполагать то, против чего мы спорим, что любовь является основой, а святость вторична. Но это не то, что мы имеем в виду. Проблема в том, что если я не могу использовать стенографию святой любви, мы застряли с другими очень сложными выражениями.

Святость Бога и любовь Бога в их союзе друг с другом, например. Итак, мы собираемся придерживаться святой любви. Сегодня наше постоянное искушение, поддерживаемое и поощряемое нашей культурой, состоит в том, чтобы разрушить дефис.

Мы хотим Божьей любви без Его святости. Мы хотим этого, потому что живем в своих собственных терапевтических мирах, в которых нет абсолютных моральных норм. Поэтому Божья святость становится резким и нежелательным вторжением.

Однако Его любовь без Его святости — это одна из тех вещей в жизни, которые мы просто не можем иметь. И действительно, это станет одной из наших величайших радостей — иметь возможность понять, как Бог одновременно свят и любящ. Достаточно.

Хватит. Это культурное, несколько гнетущее введение закладывает основу для нашего поиска Бога в Его Слове и познания того, что Он есть святая любовь и даже многое, многое другое.

Это доктор Роберт А. Петерсон в своем учении о собственно теологии или Боге. Это сессия 1, Культурный контекст.